

ру, о далеких странах, по тогдашним понятиям сказочным — Индии, Китае, Великой и Малой Бухарии, Туркестане. Все чаще в этих рассказах встречается река Яркенд с необычными золотоносными песками. Казалось, до Яркенда рукой подать — сначала доплыть до Нор-Зайсана Белым Иртышом, дальше Черным. На пути к Зайсану — известное Ямышевское озеро, где соль добывают и торговлю с азиатами ведут.

Как и сто лет назад, собираются тарские служилые в дальний путь. В 1713 году Сибирский губернатор посылает двух разведчиков в пределы Джунгарии — тарского казачьего голову Ивана Чередова к контайше Цеван-Рабдану в его ставку на реке Или и служилого дворянина Федора Трушникова в восточную Бухарию и к озеру Куха-Нор «в страну Тангаутов, сделавшуюся нам известною только по новейшим исследованиям Пржевальского и Грум-Гржимайло»⁸².

От князя Гагарина разведчикам даны были особые инструкции. Официальным предлогом приезда Ивана Чередова к контайше «при особом письме Гагарина к последнему от имени «Губернатора Царства Сибирского» явлена необходимость договориться о пограничных взаимоотношениях Сибири и Джунгарии и разобраться в обидах, нанесенных в разных местах жителям той и другой стороны при столкновениях друг с другом»⁸³.

В 1715 году Иван Чередов в сопровождении двух джунгарских посланников возвращается, привезя неутешительные вести: вновь контайша заявляет, что территории, лежащие по Оми, и цепь Камышловских озер, — его исконные владения.

А между тем подготовка к Ямышевской экспедиции заканчивалась. В Тару из Тобольска шли срочные указания от подполковника И. Бухгольца, возглавлявшего экспедиционный отряд, «о наборе в Таре и Тарском уезде солдат», «об отправлении в поход... из тарских казачьих детей сколько понадобится». И. Бухголец требовал с Тары кузнецов, плотников, «попьящика», порох, бичеву, пеньку, соль⁸⁴.

В Таре же оставались больные солдаты и драгуны этой экспедиции.

Важную миссию предстояло выполнить тарскому казачьему сотнику Василию Борисовичу Чередову и тобольскому сыну боярскому Тимофею Этигеру. Еще раз посланцы Гагарина стремились упредить возможный конфликт с джунгарами дипломатическим путем. В инструкции, данной Чередову, предписывалось последнему разъяснить цели Ямышевской экспедиции — российские де люди «посланы из Тобольска по Иртышу с подполковником Бухгольцем для проведывания серебряных и золотых и медных и иных руд и для строения городов»⁸⁵. Контайше же гарантировалась защита от немирных соседей в случае «обид» услугами «доброго и ученого войска»⁸⁶.

Но когда Чередов и его спутник добрались в Ургу, события на Ямыш-озере повернулись не в пользу российских людей. Контайша и слышать не хотел ни о каких предложениях и гарантиях. Г. Ф. Миллер замечает, что Чередова контайша продержал в Урге четыре года.

Измученная джунгарами, болезнями экспедиция И. Бухгольца, вернее, что от нее осталось, в своем обратном следовании от Ямышевского озера высадились на Омском устье, о котором почти сто лет назад тарские служилые люди били челом государю о постройке там острога. Сейчас же мечте этой предстояло стать реальностью.

Строящаяся Омская крепость попадала в ведомство тарских воевод. К новостроящейся крепости насылаются служилые люди, «500 тарских служилых людей для оберегания от воинских людей». (500 человек требовал Бухголец, сколько прислали — неизвестно.)⁸⁷. Крепость обеспечивали из тарских запасов лошадьми, провиантом, фуражом.

Известно также и то, что во время следствия по делу о Ямышевской экспедиции и о князе М. П. Гагарине майор Лихарев письмом требовал к себе в Тобольск «для допросу тарских жителей Бориса Берникова, Ивана Терехова, Ивана Карчина, голову Ивана Чередова о Эркетском песошном золоте»⁸⁸.

Вместе с постройкой Омской, Ямышевской крепостей Тара утратила свое пограничное значение. Приходилось переходить на новую «тыловую» жизнь. Последний раз неприятельские люди разорили деревни Тарского уезда Зудилову и Чеускую 14 июля 1741 года⁸⁹.

ТАРСКИЙ БУНТ

1722 год начался тяжело, тревожно. Церковная реформа 1721 года, учреждение Святейшего Синода⁹⁰, как органа государственного управления церковью, указы о подушной подати и записи раскольников-старообрядцев в двойной подушной оклад⁹¹, вызывали неприятие. В разных уголках России шли толки о царе-антихристе, узурпировавшем прерогативу самого Иисуса Христа, — быть главой церкви земной и небесной.

Дошли неприятные слухи и до Тары, где обитало значительное число старообрядцев. Традиционно массовое переселение старообрядцев в Сибирь связывают с 1684 годом, волны переселения захватили тогда Тюмень, Тару, Томск. На огромных пространствах Сибири возникают тайные убежища, скиты, пустыни, где находили себе приют сторонники старых обрядов, беглые.

К 1721 году близ Тары существуют два крупных скита — поповская Сергиевская пустынь и пустынь беспоповца Ивана Смирнова⁹².

Руководители скитов враждебно встретили действия появившегося в Тарском уезде отряда во главе с полковником А. И. Парфеньевым для переписи раскольников и обложения их двойным подушным окладом. Как Сергей, так и Иван Смирнов, объявили появление полковника Парфеньева признаком наступления последних времен и призывали к неподчинению властям, ко всяческому отказу от записи в списки «слуг сатаны». Любое действие властей порождало призывы к самосожжению, как последнего прибежища «от ношества гонителей». Иван Смирнов заявил: «Мы живы в руки вам не дадимся, береста и смолье и дрова и солома и пороху с пуд приготовлено. И вы творите, что вам повелено»⁹³.

Руководители пустынь неоднократно приезжали в Тару, агитируя своих приверженцев к неподчинению властям.

Тарское духовенство занимало двойственную позицию, исполняло все положенные требы, но не выступало с активными проповедями

против расколоучителей. Едва ли не половина тарских жителей, исправно посещавших храм Божий, оставались в душе сторонниками старой веры.

5 февраля Петр I опубликовал указ о наследовании престола⁹⁴, где, основываясь на исторических и библейских примерах, объявлял своим подданным о воле государей передать престол, «кому оной хочет, тому и определить наследство»⁹⁵. До этого же времени престол передавался, как известно, по старшинству, но печальный пример с царевичем Алексеем Петровичем побудил, очевидно, Петра I отказаться от стародедовских заветов. Для всех российских граждан устанавливалась присяга — клятвенное обещание признать безымянного наследника престола. В тексте клятвенного обещания оговаривалось: «ежели я сему явлюсь противен, или инако противно, что помянутому уставу толковать стану, то за изменника почтен и смертной казне и церковной клятве подлежать буду»⁹⁶.

В Таре узнали об этом указе задолго до появления в городе сержанта Островского, прибывшего для приведения к присяге тарских жителей. Присягали в городах и уездах неодновременно, где-то раньше, где-то позже, а слухи имеют свойство распространяться почти мгновенно. 17 мая 1722 года в Таре появился экземпляр текста присяги, где после официальных изъяснений шло «противное письмо» о богопротивности присяги не названному наследнику⁹⁷. В ходе последующего следствия выяснилось, что письмо писано тарским жителем Петром Байгачевым в скиту Сергия.

С 18 мая начинается активное обсуждение этого письма в доме полковника Немчинова. Здесь, в беседах, чтении старообрядческих книг, толкований об антихристе, выработался окончательный вариант «противного письма» и к 27 мая закончено его обсуждение. 27 мая около 700 тарских жителей в присутствии коменданта Глебовского отказались принять присягу наследнику Российского престола⁹⁸. Возможно, большинство тарских жителей последовало примеру очень уважаемых в городе полковника Немчинова, Ивана, Василия, Якова Чередовых⁹⁹.

«У присяги Клятвенное обещание определенном в наследники и о уставе означено, а от какова роду и какова чину, и кто именем и каков устав будет, и о том, имянно не означено. И мы за такова неведома наследника клятвою не клянемся, слова и креста не целуем, и рук не прикладываем. А ежели буде от царского рода наследник будет, и устав святыя соборныя апостольския церкви и седми вселенских соборов и помесных и евангельския проповеди и апостольским учением, и мы за такого наследника, и за устав Святыя восточныя соборныя апостольския церкви и евангельскую проповедь и апостольское учением и радением с подписанием рук своих Святое Евангелие и крест целовать будем. Тарского города городовые и всех разных чинов жители с домами своими и с детьми». Таков текст не очень понятного «противного письма».

5 июня о тарском непослушании узнала Тобольская администрация. События интерпретируются как бунт. 6 июня из столицы Сибири к Таре отправляется карательный отряд полковника Батасова.

Авангард этого отряда во главе с капитаном Львом Ступиным 13 или 14 июня подошел к Таре и занял город, отпорщики при этом сопротивления не оказали¹⁰⁰.

Отпорщики такового поворота событий, по всей видимости, ожидали. Предположительно, тарские пустынноики морально поддерживали своих «духовных детей», наведываясь в Тару до прибытия карательного отряда.

В доме полковника Немчинова укрылось 70 человек казаков и тарских жителей, стойко решивших принять всевозможные мучения, но не сдаваться властям. 26 июня из дома вышло 49 человек, не решившихся на самопожертвование и поддавшихся на уговоры военных. Для остальных события разворачивались стремительно. Пороховой взрыв, клубы дыма. Или взрыв оказался недостаточно сильным, или же подсутились солдаты, окружавшие дом, но из него удалось-таки вытащить всех отпорщиков. Пять человек от ожогов вскоре умерли, остальных же лечили, отложив казнь до выздоровления. Немчинова, умершего в числе пяти человек, четвертовали, в пазидание другим, «растыкав» останки по копьям¹⁰¹.

Н. Н. Покровский, анализируя повесть, созданную выговскими старообрядцами о «тарских мучениках», делает вывод о том, что помимо взрыва в доме полковника Немчинова в Таре были и другие формы протеста в первые недели следствия — «ножи себе режущие и ужи удавляюще, умираху, мнози же по бесчисленным мукам главами усекаемы скончевахуся».

В Таре, Тобольске шло следствие. Допросы. Казни. Тогда же за тарчанами закрепилось прозвище «коловичи» — посаженные на кол, по преданию, головы казненных тарских отпорщиков, насаженные на кол, выставлялись в Таре на всеобщее обозрение¹⁰².

Для властей, скорых на расправу, очевидным было и то, что пока существуют скиты и пустыни раскольников, с их агитацией против официальной церкви, с их книгами, не канонически трактующими Священное Писание и учение отцов церкви, не может быть покоя и умиротворения жителям сибирского города. Среди вопросов, задаваемых в ходе следствия привлеченных по тарскому делу, важнейшим являлся: «и книги какие читали, кто имяны и у кого в доме и какое толкование у них было...»¹⁰³.

Среди конфискованных книг встречались Толковое Евангелие, Апостол, Апокалипсис, Златоуст, «Книга о вере», «Кириллова книга», Соловецкие челобитные, множество различных толкований: об Антихристе, создании Мира, брадобритии и проч.

Духовные дети пустынноика Сергия — казаки Василий Исетский, Иван Падуша, ставший тоже пустынноиком Михаил Ембаков, горожане И. Шевелясов, Петр Байгачев, полковник Немчинов, не просто были грамотными людьми, но и толкователями этих книг.

В ходе допросов открывалось широкое недовольство петровскими реформами. Вновь всплывают указы о брадобритии, ношении немецкого платья. Тара выражала недовольство по поводу петровских нововведений еще в 1706 году¹⁰⁴. Немецкое платье в Сибири вскоре высочайше разрешили не носить¹⁰⁵, с бородами тоже смирились без особых эксцессов. Табак покупали неохотно. Семен Карпов в 1709 году растерянно просил совета: «а в Таре в остатке двадцать семь пуд 35 фунтов этого табака. Что делать, государь...»¹⁰⁶.

Но при обстоятельствах экстремальных вновь и вновь всплывают эти и подобные указы от «антихриста» — государя-императора. Антихрист-безымянный наследник престола и антихрист-Петр как бы

соединились в одно целое. В ходе следствия выяснилось, что особой популярностью в Таре пользовалась легенда о Петре I как о подмененном царе, царе неистинном — «шведе обменном», «жидовине из колена Данова». Подобные же легенды бытовали и на Севере, и на Урале. Выходили же они большей частью из скитов.

Дальнейшие действия Тобольского губернатора князя А. М. Черкасского и вице-губернатора А. К. Петрово-Солово направляются на ликвидацию пустыней и пустынножителей как истинных возмутителей.

9 ноября 1722 года карательный отряд А. К. Петрово-Солово разгромил скит Сергия и захватил его большую библиотеку¹⁰⁷.

Разгром пустыней продолжался и в последующие годы. Репрессии, разгромы пустыней и скитов привели к массовым саможжениям старообрядцев. Исследователи прямым следствием тарских событий считают Пышменскую и Едунинскую гари, приведшие к гибели 1000 человек.

Тарский розыск, продолжавшийся до 1735 года, предшествующие события нашли отклик в старообрядческой литературе. Вплоть до начала XX века появляются повести, миниатюры, рисунки, освещающие отдельные эпизоды тарского бунта.

Отголоски бунташного 1722 года нашли отражение в некоторых официальных документах. В Топографическом описании Тары и Тарского уезда 1788 года указывалось: «...в 722 году, егда по указу его императорского величества... велено было всем российским подданным учинить присягу, тогда последовало от тарских граждан некоторое слушание и причтено было за бунт, посему многие тарские жители и получили смертную казнь, яко-то: отсечение головы, повешение за ребра, иные сажены на кол и прочими наказаниями усмирены. В сие время до 500-т домов лучших граждан разорено, и от того времени город Тара прежнего могущества и красоты, и многолюдства весьма лишился»¹⁰⁸.

Тарские жители, напуганные жестокими казнями, спешили в дальнейшем засвидетельствовать свою покорность властям и доносили о «потаенных тарских раскольниках»¹⁰⁹. Но ни правительственные меры, ни добровольные доносы не смогли «вывести» раскол с Тары...

В 1756 году бергамский земский комиссар Федор Немчинов, сын тарского полковника Немчинова, благословлял место горения собравшихся раскольников. Предстояло Чаусское саможжение в Барабинской степи.

НА ПУТИ К УЕЗДНОМУ БЛАГОЧИНИЮ

Тарские события первых десятилетий XVIII века разворачивались на фоне глубоких административно-территориальных преобразований, в сфере управления и культуры.

Среди 8 губерний, образованных по Указу Петра Великого от 18 декабря 1708 года¹¹⁰, учреждалась Сибирская губерния. Среди городов Сибирской губернии по «рописанию» значился и город Тара. Образование губерний повлекло за собой и реорганизацию органов управления. Сибирский приказ теряет в 1711—1712 годах значение централь-

ного государственного учреждения и превращается в Московскую канцелярию Сибирской губернии¹¹¹, а все его функции передаются сибирскому губернатору. За Московской канцелярией же остается пушнина, китайский торг и исполнение поручений губернатора. Первым сибирским губернатором назначается князь Матвей Петрович Гагарин.

С приездом Гагарина в Тобольск начинается постепенная реорганизация местного управления. В частности, воеводское управление в городах приобретает черты комендантского, а сами воеводы переименовываются в комендантов¹¹². Происходит превращение начальствующих лиц, начиная от губернатора и кончая городовым воеводою, в государственных чиновников, получающих назначение от государства на должность и одновременно вознаграждение за исполнение этой должности.

Приказная изба при воеводе переименовывается в воеводскую канцелярию, просуществовавшую в Таре до 1782 года. Дьяки и подьячие получают прозвание секретарей, но еще сохраняя подразделение на старших, средних, младших, как это было испокон века, при приказном делопроизводстве.

В январе 1719 года Сенат утверждает Инструкцию или Наказ воеводам¹¹³. Воевода получал всю полноту власти в городе и уезде, за исключением судебной — «ему воеводе не надлежит ссор тяжёбного дела между подданными судить, судьям в расправе их помешательство чинить»¹¹⁴. Финансы, налоги, размещение войск, «смотрение» за промышленностью, рудным делом и, наконец, чисто полицейские функции — надзор за дорогами, мостами, спокойствием граждан — все попадало в компетенцию воеводского правления. В помощь воеводам давались земский комиссар, земский секретарь и надзиратель сборов. Тогда же, в январе 1719 года, принимается Инструкция, или наказ земским комиссарам в губерниях и провинциях, где определены функции этого должностного лица: «главнейшая должность в том состоит, чтоб он в поверенном ему уезде в надлежащее и указанное время все его царского величества доходы сбирал и приписывал, кроме пошлин, а в чем те сборы состоят, и каким образом сбираны быть имеют, о том учрежденные Регламенты ему из Камер-Коллегии даны, и печатные опубликованы будут, из которых всяк может видеть, а особливо земской комиссар как он по своей должности в том исправно поступать имеет»¹¹⁵.

По судебной реформе 1719 года в уездах учреждались нижние суды. Таким образом, власть судебная отделялась от власти исполнительной (в Тобольске создавался надворный суд — один на Тобольскую провинцию Сибирской губернии).

Наконец, в 1721—1724 годах города Сибири получают право создавать свои органы самоуправления — создаются городские магистраты, в Таре подобное учреждение открыло свои действия в 1724 году¹¹⁶. Органы местного городского самоуправления более других были подвержены реорганизациям. В 1727 году упраздняется Главный магистрат, руководивший до этого времени городскими. Магистраты попадают под власть губернаторов и воевод. Затем 5 июля 1728 года создаются вместо магистратов ратуши с ежегодно сменяемыми бургомистрами¹¹⁷.

Указ 21 мая 1743 года восстанавливал Главный магистрат в Санкт-Петербурге и городские магистраты, но местные магистраты по-